ABOUT RUSSIAN VERSION OF HISTORICAL PROGRESS

Pavel D Simashenkov

▶ **To cite this version:**

Pavel D Simashenkov. ABOUT RUSSIAN VERSION OF HISTORICAL PROGRESS. Modern European Researches, 2019, 27 (2), pp.52-58. 10.5281/zenodo.3241995 . halshs-02157136

HAL Id: halshs-02157136
https://shs.hal.science/halshs-02157136

Submitted on 15 Jun 2019

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire **HAL**, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

Copyright

Pavel D. Simashenkov. ABOUT RUSSIAN VERSION OF HISTORICAL PROGRESS // Modern European Researches. - Salzburg, 2019. - №2. - P. 52-58.

Pavel D. Simashenkov,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Public Administration and Legal Support of the Civil Service Chair, "IMI" University, Samara, Russia
pavel.simashenckov@yandex.ru

ABOUT RUSSIAN VERSION OF HISTORICAL PROGRESS

Abstract. The article provides an analysis of the views of Russian thinkers on historical progress; the concepts of freedom-opportunity, freedom-necessity, time and space are explored. Comparing the western and domestic approaches to the formation of the so-called "national idea", the author formulates his own hypothesis of progress, based on the creativity of the Person as conciliar unity.

Key words: progress, history of Russia, Russian philosophy, national idea, freedom, creativity, religious philosophy, social ethics, philosophy of history, ideology.

Introduction

To see the image with spiritual eyes,
elevating to prototype
Tsar John IV the Terrible

The relevance of the stated subject is determined by the regrettable tendency of a decline in interest in Russian culture not only on a global scale, but also among Russians. Russia is now fashionable to perceive either in a negative-political or in the infernal-messianic context, and both are imbued with deliberate pathos, which gives the image of national culture not even cheap, but fair look — bright one, like any colonial product offered for sale. We prefer to avoid the overly profitable work of myth-making and myth-debunking: let us try to figure out what is the notorious specificity, "mysteriousness" of the Russian soul and national historiosophy.

In a certain sense, Russia is a country of political chastity, innocent of wretched rationalism. In truly Russian (in the spiritual sense) novel by I. Goncharov [1], Oblomovism is the stability "so that it does not get worse" as a prerequisite for its superation — the ongoing process of surpassing cyclic recurrence with redundant efforts. [2]. Oblomov was a living piece of art for Pshenitsyna — that is what inspired and deifying love, life-giving idealization is capable of! Apparently, the gentry was perceived not only as a system of oppression exclusively, but (less often and not by all, certainly) as inviolability of domestic concerns — a guarantee of moral integrity. Oblomov's personality enhances the phenomenon of Oblomovism, a kind of humility with a certain comfort and a sofa scale of dreams. The very image of the main character (internal emigrant) is remarkable for moral purity: according to E. Trubetskoy [3], Oblomov's Christianity is closer to Russians.

According to A. Khomyakov [4], the correct algebraic formula was the ideal for which the whole life of European peoples unconsciously strove. The ideal of Slavophiles is the conversion of society and the state into the Church. The famous "Uvarov's triad" of the official national character is the best illustration of how superation (Orthodoxy) is able to surpass the potential antagonism of the natural (the people) and the artificial (the autocracy).

Results

Ready to serve the cause of freedom,
but not to be its serf

V. Klyuchevsky

Russia is indeed the abode of fatal and total non-freedom, but this must be understood more deeply and without "vodka-matreshka" populism. Russians understand freedom as a necessity (freedom "for"), and not as an opportunity (freedom "from something"). Freedom in our national understanding is unconditional; the absence of all “if ifs and ans were pots and pans” is something genuine, real. Western freedom in its export-replicated format is an abstract ethical vacuum irrespective of humanity.

The context of "Russian freedom" is deeply archaic in the noblest sense of the word: it is religious, as opposed to freedom-opportunity suggesting an alternative, and therefore limiting duality. That is why nobody managed to enslave the Russians, except for their own bureaucrats [5]. The history of the Fatherland is replete with social cataclysms, when attempts to attain liberal freedom — opportunity always ended in rudeness and bondage in the grip of consolidated and concentrated power, and freedom-necessity helped fight social injustice collectively. Therefore, freedom in the Russian version is not so much a conscious necessity (as Marxists formulate it), but an irrational necessity consciously perceived as a Fate. The western concept of freedom presupposes the loneliness of a hyper-individualist, drifting in the rarefied space of the so-called “personal sovereignty”, which greatly simplifies “self-realization”, determined by enclosing one’s own space from society and by raising one’s own rating (in one’s own eyes) by belittling others. It is easy to seem great to yourself when others are far away. The result is "me-me-me generation", an ambitiously awkward generation of selfies and flash mobs.

It is extremely significant: life was perceived as a gift even in the "atheistic" USSR (according to N. Ostrovsky: "you must live in such a way that you would not be thoroughly ashamed of purposeless years" [6], and in the world of capital life is a resource (Carpe diem, take everything from life!). Freedom in Russian way of thinking is asceticism, taking responsibility not only for others (the western term “social responsibility”), but also for everything that happens around us (the Russian version is historical responsibility), and this is a mission of a religious nature, and then "eternity will extend a hand to us, the future will understand us" (as N. Dobronravov writes). Taking on the burden and the cross of responsibility voluntarily is the destiny of the few; it is even more surprising when such phenomenon becomes mass. It takes the courage of a higher order to sacrifice life, realizing oneself as an expendable material of History [7].

Views on development goals also differ in the West and Russia in many respects. The goal is the idea of the desired result, the mission is the idea of the Path. Choosing it is more important than setting a goal, because the shortest path to the goal is amoral, cynical, and simplifying. "Chekhov's intellectual" — is a symbol of a beautifully inclined but incapable of active human activity. But what if purposeful activity, that very goal-setting is the brightest and obligatory manifestation of arrogance? To pursue the goal: there is something unpleasant, manic-egoistic even in the literal interpretation. In addition, the achieved dream is surely debased, is it not better to keep it clean?

The peculiarity of the Russian national character is a developed fantasy and a desire to live in a new, better, never before existed world. Perhaps this comes from the historical feeling of dissatisfaction with the Russian reality (in the opinion of I. Aksakov [8]). Perhaps it is due to the tragedy of history: no one has ever lived well anywhere in Russia, and even more so — calmly. All this is due to the anticipation of the world to come — a lot of religious wanderers, and Russian martyr passivity (as the expectation of "the beautiful distant future"), and even government reforms that are divorced from reality: one more moment, and everything should fall into place,

you just have to be patient! And all this is because the present reality for fun and the irrational reality in the Russian consciousness are not identical.

Sergey Dorenko once called the Russians “a child-people”, for whom everything was for the first time, and therefore it was so easy for politicians to deceive them. It seems to us that the words of the journalist are not at all reproaching. Yes, Russian thinking is akin to childish in many respects: it is picturesque, artistic, and synthetic. Hence, the urgent need for the Image of the Future — an absolutely beautiful idea, which basically has faith, that is super-natural. Russians do not accept anything abstract, unreal, "as though". Hence, the neglect of formal constructions, simulacra, respectively, distrust of jurisprudence and politics, which is not much different from mere verbiage. The image must be inspired; therefore, naturalism is not in honor in Russian art. Sincerity — yes, but no shocking frankness.

Since we are talking about culture, let us emphasize a landmark feature that many people noted: the poet in Russia is more than a poet. He is considered to be a public figure, even if he does not consider himself to be such, because the society feels in him (in creative individual) the potential of new moral guidelines creator, which are, if not higher, then at least contradict the hateful, formal bureaucracy dictated by the government. That is why an intelligent person is always (at least) in opposition to the authorities, it is even more valuable when he is mentally and morally superior to them. Intellectuals have either their own ideals, or their own understanding of the way to achieve these ideals.

Mankind does not wander in a circle, but develops in a spiral. This hypothesis assumes the presence of a certain "center" and a concentric path of turns. It appears that the basis of social progress is a single principle — fixed, as the center of a circle or spiral. It means that universal human values (at the level of moral feeling) are immutable, but it is a matter of the free will of people to twist or unwind the turns. Thus, negation of the negation does not help to avoid a closed "circular" cycle, because it is a logical conclusion from the transition to the anti-quality and therefore unproductive. What gives rise to a new quality of development? In our opinion — this is only creativity.

We are sure that historical progress is provided by the principle of energy expenditure, and not at all by the law of its conservation. Even having to recognize the “jurisdiction” of the latter (and therefore the conditional impossibility of a perpetual motion machine existence, for example), people discover new sources of energy and, in this regard, distinguish between closed and open systems. Something inside a human being does not allow him to become reconciled to the limitations of his capabilities, much less to the isolation of the surrounding world. Thus, the very recognition of energy conservation expands the horizons of knowledge in search of the root cause. Ultimately, the fashionable "big bang theory" is the evidence of scientists' belief in some initial energy expenditure, the first impulse, is not it? By the way, why should we not interpreter the law of energy conservation in the sense that the creative energy given to people is stored in them? - only it is being used and transformed in different ways.

Any laws originate from certain limits, therefore it is impossible to formulate "laws of development", because it is impossible to have development "within frameworks", moreover established by people (it reminds a prison). That is why progress is clearer in the reverse temporal perspective: to evaluate it is the conciliar work of mankind (the common phrase “history will judge us”). The logic of laws is negative; they are suitable only for the demarcation of impossibility, while the notorious subjunctive mood is not even out of the ordinary, but beyond the regulations. Possibility — is mockery of appropriateness; the historical parallels are quite capable of intersecting in the non-Euclidean space of time — complicating, enriching both the very course of events and (most importantly) its comprehension.

Creating the future, we resurrect our past in its specific signs, idealized as we move away from them. Were it different, people would not feel affection for nostalgic memories, family traditions and good old films. Therefore, the so-called reverse perspective with respect to time is

the most accurate, for it reflects both historical (ancestors look at us) and futurological aspects (the farther away, the wider are the opportunities for future discoveries; thinking does not narrow, does not “reach the point”, it is not dogmatized).

The genius of the Russian proverb “morning is wiser than evening” is in a laconic designation of both the principle of reverse perspective and a special, religiously based mood: to look at the passed by day with not so much captious and sober but rather with blessing eyes. And also in the hint that the "present time" is an impenetrable night, which we have to sleep over. A man is made by the past, both in the sense of going there, and in the sense that personality is shaped by memories: everybody moves into the future, leaving for the past. It turns out that there is no real present; there is "only a moment between the past and the future" (in the words of L. Derbenev). It is striking how many times and how thoroughly this image is contemplated in Russian philosophy:

"The fall, the impoverishment of one epoch — let it be our epoch — is only a grimace, distorting a beautiful face for a moment, if the future connects with the past into a living chain" (G. Fedotov [9])

"We are set at the turn of two worlds: the past and the future" (V. Odoevsky [10]).

"It is enough for us to resurrect, to understand the past, and bring it into consciousness and life" (A. Khomyakov).

"The present is not subject to any changes, it always remains a point" (N. Strakhov [11]).

Therefore, perhaps, the appeal to stay in the present sounds so definite and so deadly: a point, a limit, an end. Zen Buddhists, by the way, advise to stay in the present, but this advice does not contradict the above-stated, because where the future is a dream, and the past is a result, the present is a process of creativity, superation of the past. Yes, we should live for this process; it gives meaning and value to earthly existence.

It is noteworthy: in the Russian language, the present tense describes the process to a greater degree than the result (what the British would call present continuous). The result, the accomplishment — is always in the past, and achievement — in the future. The linguistic "present tense" differs from the future only in a volitional component (I do — I will do, I make — I will make). Thus, realizing our plans, we rather do not bring the future closer, but we lock the materialized dream into the closet of the past by an effort of will. Evil is not so much in restriction (process), as in narrowness (result).

A person does not seek for self-assertion in creativity, but serves another, higher idea. To create is a kind of self-denial act, not self-realization. We almost agree with M. Mamardashvili [12] that self-determination is the most important guarantee of creativity. It is self-awakening, finding oneself not outside, but inside the transmission of life impressions, from which one learns the meaning of what is happening. Largely, it is rather self-overcoming, than self-determination. Therefore, in order to crystallize the coordinate system, a person must first be dissolved thoroughly in the surrounding world. The act of creation occurs always for the first time, harmony is being built from the primordial chaos. It turns out that the essence of creation lies in this dissolution and resurrection, i.e. in the work itself — it has no goal as such. Art is the only way to communicate with Eternity. To inspire and perpetuate — these are the aspirations and needs of the creator. It means that there can be no competition in art (and in creation in general). The environment can form a fairly high "general cultural level," against which every creative person, however, will always try to surpass oneself, but not to gain an advantage in competition.

However, you can adapt to the "challenges" by becoming like mediocre creatives. Like any other person, they are also endowed with the ability to create, but they are deprived of their conscience and, therefore, value the gift as a means of survival in a market-trading environment. The vulgarization of art consists in its artificiality. Art can not be a mediator, because it is purport. Therefore, creatives are slaves to the temporal context (fashion and trend). The act of

creation is expressed in the desire to exceed the commonness, based on the direct sensation of the irrational interrelations of the surrounding phenomena. The result (but not the product) of creation becomes a new value — hitherto unprecedented, not existing in nature. This is not necessarily a work of art; for example, state institutions are also the result of the creative work of those people who do not deal with art. Social development in many ways vulgarizes the idea underlying it; hence, we have all the mistakes and perversions of what is considered to be the progress.

We idealize the past eventually, and people want to return the "golden years". History is the childhood of nations, and the melancholy of the “golden age” is already the prettifying of the past: it means that people survived, surpassed culturally its gross realities. Here the main thing is not to dwell on the admiration with the past, not to flatter yourself with the simplicity of retrograde nostalgia, but to try to develop the best moments of what is recalled with warmth. However, when the past comes back in ceremonial formalism, this is already a farce and a vulgarization of historical memory. Consequently, conservatism and retrogression are different concepts. True conservatism preaches inseparability from the primeval ideal, retrogrades prefer to get skeletons from cabinets and shake up rotten idols of the past. The root of evil here is not even in objective circumstances (ideas hardly depend on them), but in the efforts of specific subjects who implement ideas in their own discretion. As a rule, these subjects make up for their own creative inconsistency with an excess of possibilities for its realization (usually — by concentrating power in their hands). If artists, poets and thinkers are the bearers of ideas, then the official propagandists-ideologists are their peddlers.

In fact, every creator is a fringe frustrated by the fact that it is impossible to materialize an idea by its very definition. However, the impossibility is the prerequisite for its further (and permanent) improvement. The mass, with its criticism and inertness, balances the egocentrism of the creative individual; this is how social harmony is born in the development of someone else's moral ideals. The people define the criteria of historical responsibility not only for the creative individual, but also for each member of society. If it were different, the fringe groups would destroy the world.

The hierarchy (coordinate system) is built into the human consciousness as a vector of expanding creative possibilities. Naturally, there is always an indignant minority in society that is opposed to the hierarchy in general, especially when representatives of the upper elite begin to treat their subordinates with disdain, because they consider themselves to be within walking distance from God. Time smooths over the conflict: as a rule, the masses declare posthumously both martyrs for the faith and fighters against the regime to be heroes, tools of Destiny — as mediators between God's providence and people. Thus, the institution of saints forms the spiritual hierarchy, and that, in its turn, is layered on the social one — with the fathers of the nation and freedom fighters. Social stability largely depends on the coincidence of these coordinate systems: a society, in which the authorities have purely “exclusive” saints and, conversely, there are hero men who are worshiped by the common people, will hardly be harmonious.

Historical continuity is total, as an inheritance: either to accept it entirely, or to give up everything. According to M. Prishvin [13], if you do not take the whole of Christ, then the rest of Christ would stand against taken by you as Antichrist. A western, alternative approach leads not to the development, but to the negation of negation. Therefore, we have "antichrists" of world history (Nero, Hitler). Any attempt to achieve progress through the search for alternatives leads to the loss of the integrity of the worldview and, as a result, to the emergence of "antichrists", confusion.

Social is always more conditional, formal and massive than individual, hence there is inevitable blurring and vulgarization of high thoughts and aspirations. Is Christ responsible for the moral character of “catholic” Cesare Borgia, and communist Lenin for the deceit and betrayal

of the Motherland by “member of the Communist Party” Gorbachev? Consequently, the redundancy of creativity provides mankind with at least some chance for development. It compensates with this for the vulgarization of the idea due to its replication. The potential of social development is the creative potential of the idea underlying it.

Conclusion

There are six days of creation
for the moral world, for History:
what day are we in the world?
M. Pogodin

Spatial perspective may be any (direct-inverse, linear-nonlinear), but temporal one — most likely, is only inverse. This does not imply a retrospective nostalgia, but a historical responsibility to those who had lived before us, and whom we will certainly meet at the end of the earthly journey (Fedorov's "sons' duty is the return of the lives of fathers" [14]). Let us not to disgrace the ancestors — it means that we will remain in the grateful memory of our descendants.

They are mistaken, who think that those possessing information own the world, it is ruled by those who takes possession of time. Time is eternally desirable wealth, infinitely limited due to unlimited perspective (Russian saying: “God has many days”) and finiteness at the moment (“you do not breathe before dying”). There is neither history nor progress without a time concept.

Time is the path from plurality to unity, a kind of defragmentation of being by consciousness. Historical time is transformed into a space of memories, which people are free to decorate, as they like. Closing his life within the framework of earthly existence, a person can break the eternal moral law by arranging for himself his beloved cozy closet with the benefits of civilization. The process is more valuable than the result, therefore the root of evil is always present in the creature, but it is absent in creation. Evil appeared as soon as creation was embodied in the created.

Evil is non-existence, a frozen form, intended to become a dogma, it is a cashing of reality into actuality, into everyday life. Moreover, what could be explained by the historical context is outdated. But the development is provided not so much with confidence in the infinity of human potentials, as with infinite faith in inexhaustibility of creativity. According to N.Ustryalov [15], progress is not in a continuous linear rise, but in an increase of being, in a growing wealth of motives number. It turns out that the time is not so continuous cyclically-measured, and if you wish, you may not hang about the main entrance, but enter the new life by opening the doors with the keys of knowledge and experience. Cyclic recurrence is not infinity, but hopelessness. Nevertheless, "the arrows go in a circle, time goes forward" (by N.Dobronravov).

Each stage of progress is a kind of synthesis, surpassing the established limits of the law or genre. Figuratively speaking, one trying to climb a descending escalator without considerable acceleration will inevitably move down. Anyone who tries to go towards progress "in tune with the century" will not facilitate progress and will not make it. Moreover, the Russian way is to *surpass* the world around us — and this is the essence of creativity and superation. Not to adapt, but to soar above the objective reality given to us in sensations, with the help of subjective sensations — is not it a challenge and an answer to all-powerful Fate? Russian destiny is the tragedy of the ascent of the human spirit over inhuman circumstances.

References

1. Goncharov I. A. Collected Works in eight volumes. Vol. 4. M.: State Publishing House of Fiction, 1953. 670 p.
2. Simashenkov P.D. Historical progress and involution of ideals: ethical and philosophical research. Samara: ASGARD Publishing LLC, 2017. 176 p.

3. Trubetskoy E.N. Three Essay on the Russian Icon: Contemplation in colors; Two Worlds in Old Russian Iconography; Russia in its icon. Paris: YMCA-Press, 1965. 298 p.
4. The complete works of Alexey Stepanovich Khomyakov. In 8 v. V. 2 M.: University Printing House. 1886. 350p.
5. Simashenkov P.D. Responsibility for likes and reposts: problems of legal qualification // Scientific-methodological electronic journal "Concept". - 2019. - № 3 (March). - pp. 116–126
6. Ostrovsky N. A. Works in three volumes. V. 2 M.: Pravda. 1969. 307 p.
7. Simashenkov P. D. Power-property as a remedy from the power of the owners // Scientific-methodological electronic journal "Concept". - 2018. - No. 9 (September). - p. 236–244
8. Collected works of I. S. Aksakov. M., 1886. 846 p.
9. Fedotov G.P. Collected Works in 12 Vol. V.7. M.: Martis, 2000, 268 p.
10. Odoevsky V.F. Works. M.: Khudozhestvennaya Literatura, 1981. 728 p.
11. Strakhov N. N. Literary criticism. M.: Sovremennik, 1984. (Series "For the lovers of Russian literature"). 326 p.
12. Mamardashvili M.K. Aesthetics of thinking. M.: 2001. 416 p.
13. Prishvin M.M. Diaries. Book 2 (1918-1919) M. 2012, 853 p.
14. Fedorov N. F. Collected Works: In 4 vols. / Drafting, editing and comments by A. G. Gacheva and S. G. Semenova. M.: Publishing group Progress, 1995. V. I. 518 p.
15. Ustryalov N. V.. National-Bolshevism. M: 2004. 236 p.

Павел Дмитриевич Симашенков,
кандидат исторических наук, доцент кафедры ГМУ и правового обеспечения государственной службы, Университет государственного управления "МИР", г. Самара, Россия
pavel.simashenckov@yandex.ru

О РУССКОЙ ВЕРСИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

Аннотация. В статье приведён анализ взглядов русских мыслителей на исторический прогресс; исследуются концепты свободы-возможности, свободы-необходимости, времени и пространства. Сравнивая западный и отечественный подходы к формированию т.н. "национальной идеи", автор формулирует свою гипотезу прогресса, в основе которой — творчество Личности как соборного единства.
Ключевые слова: прогресс, история России, русская философия, национальная идея, свобода, творчество, религиозная философия, социальная этика, философия истории, идеология.

Введение

На образ зрети душевными очима,
возвышающе на первообразное
царь Иоанн IV Грозный

Актуальность заявленной темы определяется прискорбной тенденцией снижения интереса к русской культуре не только в мировом масштабе, но и среди россиян. Россию ныне модно воспринимать либо в негативно-политическом, либо в инфернально-мессианском контексте, причём оба проникнуты нарочитым пафосом, что придаёт образу национальной культуры даже не лубочный, а совсем уж ярмарочный колорит — яркий, как и всякий колониальный продукт, выставляемый на продажу. Мы же предпочтём обойти стороной чересчур доходное дело мифотворчества и мифо-развенчания: попробуем разобраться, в чём пресловутая специфика, "загадочность" как русской души, так и национальной историософии.

В известном смысле Россия — страна политцеломудрия, незапятнанности убогим рационализмом. В истинно русском по духу романе И. Гончарова [1] обломовщина — это стабильность "чтобы не стало хуже" как предпосылка её суперации [2]. Обломов был для Пшеницыной живым произведением искусства — вот на что способна одухотворяющая и обожествляющая любовь, животворящая идеализация! Видимо, барство воспринималось не только как исключительно система угнетения, но (реже и не всеми, конечно) и как неприкосновенность к бытовым заботам — залог нравственной неиспорченности. Личность Обломова облагораживает феномен обломовщины, эдакого смирения с уровнем комфорта и диванным масштабом мечтаний. Сам образ главного героя (внутреннего эмигранта) замечателен моральной чистотой; Е.Трубецкой утверждал: русским ближе именно христианство Обломова.

По А. Хомякову [4], правильная алгебраическая формула была тем идеалом, к которому бессознательно стремилась вся жизнь европейских народов. Идеал же славянофилов — претворение общества и государства в Церковь. Знаменитая "уваровская триада" официальной народности — лучшая иллюстрация того, как суперация (православие) способна превзойти потенциальный антагонизм естественного (народность) и искусственного (самодержавие).

Свобода, время, творчество: русский взгляд

Готов служить делу свободы,
но не быть её холопом
В. Ключевский

Россия и впрямь являет собой обитель фатальной и тотальной несвободы, но разуметь сие потребно глубже и без "водочно-матрёшечного" популизма. Русские осознают свободу как необходимость (свобода "для"), а не возможность (свобода "от чего-то"). Свобода в нашем национальном понимании безусловна, отсутствие всех "если бы да кабы" — нечто подлинное, настоящее. Западная свобода в её экспортно-растиражированном формате есть абстрактный, безотносительный к человечности этический вакуум.

Контекст "русской свободы" глубоко архаичен в самом благородном смысле слова: он религиозен, в отличие от свободы-возможности — предполагающей альтернативу, а, значит, ограничение двойственностью. Оттого и поработить русских доселе не удавалось никому, разве что своим же чиновникам [5]. История Отечества изобилует социальными потрясениями, когда попытки обретения либеральной свободы-возможности всегда заканчивались хамством и неволей в тисках консолидированной и концентрированной власти, а свобода-необходимость помогала соборно бороться с социальной несправедливостью. Итак, свобода в русском варианте — даже не столько осознанная необходимость (как формулируют ее марксисты), сколько сознательно воспринимаемая как Рок необходимость иррациональная. Западный концепт свободы предполагает одиночество гипер-индивидуалиста, дрейфующего в разреженном пространстве т.н. "личного суверенитета", что значительно упрощает "самореализацию", определяемую огораживанием собственного пространства от социума и повышением собственного рейтинга (в своих же глазах) за счёт принижения окружающих. Легко казаться себе великим, когда остальные далеко. Итог — "me-me-me generation", амбициозно-несуразное поколение селфи и флешмобов.

Чрезвычайно показательно: если даже в "атеистическом" СССР жизнь воспринималась как дар (по Н. Островскому: "жить надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы" [6]), то в мире капитала жизнь является ресурсом (Carpe diem, бери от жизни все!). Свобода по-русски есть подвижничество, принятие на себя ответственности не только за окружающих (западный термин "социальная ответственность"), но и за всё, что происходит при нас (русский вариант — ответственность историческая), а это уже миссия религиозного свойства, и тогда "нам вечность протянет руку, нас будущее поймёт" (как пишет Н. Добронравов). Добровольно взвалить на себя груз и крест ответственности — удел немногих; тем удивительнее, когда такое приобретает массовый характер. Необходимо мужество высшего порядка, чтобы пожертвовать жизнью, осознав себя расходным материалом Истории [7].

Воззрения на цели развития у Запада и России также во многом разнятся. Цель — представление о желаемом результате, миссия — представление о Пути. Выбрать его важнее постановки цели, поскольку кратчайший путь к цели — аморальный, циничный, упрощающий. "Чеховский интеллигент" — символ прекраснодушного, но неспособного к активной деятельности человека. Но вдруг целеустремлённая деятельность, то самое целеполагание и есть ярчайшее и обязательное проявление гордыни? Преследовать цель: даже в дословной трактовке есть нечто неприятное, маниакально-эгоистичное. Кроме того, воплощённая мечта гарантированно опошлена, не лучше ли сохранять её в чистоте?

Особенность русского национального характера состоит в развитой фантазии и желании жить в новом, лучшем, допрежь не существовавшем мире. Возможно, это от исторического чувства неудовлетворённости российской действительностью (по мнению И. Аксакова [8]). Возможно, сказался трагизм истории: в России никто, нигде и никогда не жил хорошо, а уж

тем более — спокойно. От стремления в мир грядущий — и обилие религиозных странников, и русская мученическая пассивность (как ожидание "прекрасного далёка"), и даже оторванные от реальности государственные реформы: ещё миг, и все должно стать на свои места, стоит лишь потерпеть! А всё из-за того, что наличная действительность понарошку и иррациональная реальность в русском сознании не тождественны.

Сергей Доренко как-то обозвал русских "народом-ребёнком", для которого всё — впервые, и потому-де ушлым политиканам столь легко его обмануть. Нам представляется, что слова журналиста вовсе не упрёк. Да, мышление русских во многом сродни детскому: оно образное, художественное, синтетическое. Отсюда острая необходимость Образа будущего — непременно красивой идеи, в основе своей имеющей веру, т.е. сверх-естественной. Русские не приемлют отвлечённого, ненастоящего, всего "кагбэ". Отсюда же и пренебрежение формальными конструкциями, симулякрами — соответственно, недоверие к юриспруденции и политике, мало чем отличным от словоблудия. Образ должен быть одухотворён, оттого в отечественном искусстве не в чести натурализм. Искренность — да, шокирующая откровенность — нет.

И коль скоро речь зашла о культуре, подчеркнём знаковую особенность, о которой много кем говорено: поэт в России больше чем поэт. Его считают общественным деятелем, даже если он сам к таковым себя не причисляет, ибо в нем (творческом индивиде) общество чувствует потенциал создателя новых нравственных ориентиров, которые если не выше, то хотя бы противоречат постыло-формальной, навязанной государством канцелярщине. Вот отчего интеллигентный человек всегда (как минимум) в оппозиции власти, ещё ценнее — когда он умственно и нравственно выше её. У интеллигентов или свои идеалы, или свои понимания пути достижения этих идеалов.

Человечество не блуждает по кругу, но развивается по спирали. Эта гипотеза предполагает наличие некоего "центра" и концентрической траектории витков. Получается, в основу социального прогресса заложен единый принцип — неподвижный, как центр окружности или спирали. Значит, общечеловеческие ценности (на уровне нравственного чувства) непреложны, а вот закручивать или раскручивать витки — дело свободной воли людей. Таким образом, избежать замкнутого "кругового" цикла помогает не отрицание отрицания, ибо оно — логический вывод из перехода именно в анти-качество и оттого непродуктивно. Что же рождает новое качество развития? По нашему мнению — исключительно творчество.

Мы убеждены: исторический прогресс обеспечивается принципом растраты энергии, а вовсе не законом её сохранения. Даже вынужденно признавая "юрисдикцию" последнего (а потому — условную невозможность существования, к примеру, вечного двигателя), люди открывают всё новые источники энергии и различают в этой связи закрытые и открытые системы. Что-то внутри человека не позволяет смириться ни с ограниченностью его возможностей, ни, тем более, с замкнутостью окружающего мира. Таким образом, и само признание сохранения энергии расширяет горизонты познания в поисках первопричины. В конечном счёте, и модная "теория большого взрыва" не есть ли свидетельство верования учёных в некий первоначальный расход энергии, первоимпульс? Кстати, почему бы закон сохранения энергии не трактовать ещё и в том смысле, что в людях хранится дарованная им творческая энергия? — только вот претворяется и трансформируется она по-разному.

Любые законы отталкиваются от неких пределов, посему сформулировать "законы развития" невозможно, ведь немыслимо развиваться "в рамках", да ещё и людьми установленных (напоминает тюрьму). Вот отчего прогресс явственнее в обратной временно й перспективе: оценивать его — соборное дело человечества (расхожая фраза "история нас рассудит"). Логика законов негативна, они годны разве что для отграничения невозможности, тогда как пресловутое сослагательное наклонение — даже не вне, а сверх регламентов. Возможность — насмешка над закономерностью; в неевклидовом пространстве

времени исторические параллели вполне способны пересекаться — усложняя, обогащая и сам ход событий, и (что главное) его осознание.

Сотворяя будущее, мы воскрешаем своё прошлое в его конкретных приметах, идеализируемых по мере отдаления от них. Будь по-другому, людей бы не тянуло в канун Нового года к ностальгическим воспоминаниям, семейным традициям и старым добрым фильмам. Следовательно, т.н. обратная перспектива применительно ко времени — самая верная, ибо отражает как исторический (предки глядят на нас), так и футурологический аспекты (чем дальше, тем шире возможности грядущих открытий; мышление не сужается, не "доходит до точки", не догматизируется).

Гениальность русской пословицы "утро вечера мудреней" — в лаконичном обозначении как принципа обратной перспективы, так и особого, религиозного в основе своей настроения: окинуть день вчерашний не столько даже придирчиво-трезвым, сколько благословляющим взором. А еще — в намёке, что "настоящее время" есть непроглядная ночь, которую остаётся попросту переспать. Человек делается прошлым, и в смысле ухода туда, и в смысле того, что личность формируется воспоминаниями: все мы движемся в будущее, уходя в прошлое. Получается, настоящего как бы и нет, есть (словами Л. Дербенёва) "только миг между прошлым и будущим". Поражает, сколь многократно и многогранно этот образ осмысливается в отечественной философии:

"Падение, оскудение одной эпохи — пусть нашей эпохи — только гримаса, на мгновение исказившая прекрасное лицо, если будущее сомкнётся с прошлым в живую цепь" (Г. Федотов [9])

"Мы поставлены на рубеже двух миров: протекшего и будущего" (В. Одоевский [10]).

"Нам довольно воскресить, уяснить старое, и привнести его в сознание и жизнь" (А. Хомяков).

"Настоящее не подлежит никаким переменам, оно всегда остается точкою" (Н. Страхов [11]).

Может быть, поэтому призыв оставаться в настоящем звучит столь определённо и оттого мертвяще: точка, предел, конец. Дзен-буддисты, к слову, советуют пребывать в настоящем, но совет сей вовсе не противоречит вышесказанному, ибо где будущее это мечта, а прошлое — итог, настоящее есть процесс творчества, суперации прошлого. Да, этим процессом и следует жить, он придаёт смысл и ценность земному существованию.

Примечательно: в русском языке настоящее время в большей степени описывает процесс, нежели результат (то, что англичане назвали бы present continuous). Результат, свершение — всегда в прошлом, а совершенство — в будущем. Языковое "настоящее время" отличается от будущего лишь волевым компонентом (делаю — сделаю, совершаю — совершу). Таким образом, реализуя планы, мы скорее не приближаем будущее, а усилием воли запираем овеществлённую мечту в чулан прошлого. Зло не столько в ограничении (процесс), сколько в ограниченности (результат).

В творчестве личность не самоутверждается, но служит другой, высшей идее. Творить — своего рода акт самоотречения, а не самореализации. Почти согласимся с М. Мамардашвили [12] в том, что самоопределение есть важнейший залог творчества. Это само-просыпание, нахождение себя не вне, а внутри передачи впечатлений жизни, из которых извлекается смысл происходящего. В большей степени даже самопреодоление, нежели самоопределение. Следовательно, для того, чтобы выкристаллизовать систему координат, человеку сначала предстоит основательно раствориться в окружающем мире. Акт творения всегда свершается заново, из первозданного хаоса выстраивается гармония. Выходит, суть творчества заключена в этом растворении и воскрешении, т.е. в самом творчестве — у него нет цели как таковой. Искусство — единственный вариант пообщаться с Вечностью. Одухотворить и увековечить — вот стремления и потребности творца. Значит, конкуренции в искусстве (и в творчестве вообще) быть не может. Среда может сформировать достаточно высокий "общий

культурный уровень", на фоне которого каждая творческая личность, тем не менее, всегда будет стараться превзойти себя, но не получить преимущество в конкурентной борьбе.

Можно, однако, приспособиться к "вызовам", уподобляясь бездарным креативщикам. Они, как и любой человек, также наделены способностью творить, но обделены совестью и потому оценивают дар как средство выживания в рыночно-торгашеской среде. Опошление искусства состоит в его искусственности. Искусство не может быть посредником, ибо оно есть смысл. Поэтому креативщики — рабы временно́го контекста (моды и тренда). Акт творчества выражается в стремлении превзойти обыденность, основанном на непосредственном ощущении иррациональных взаимосвязей окружающих явлений. Итогом (но не продуктом) творчества становится новая ценность — доселе беспрецедентная, не существовавшая в природе. Это не обязательно произведение искусства; например, государственные институты — тоже в своём вкусе результат творчества тех, кому недоступно искусство. Социальное развитие во многом опошляет идею, заложенную в его основу, отсюда все ошибки и извращения того, что принимают за прогресс.

Прошлое со временем идеализируется, и людям хочется вернуть "золотые годы". История — детство народов, и тоска по "золотому веку" уже есть эстетизация прошлого: значит, люди пережили, культурно превзошли его грубые реалии. Здесь главное не останавливаться на восхищении прошлым, не обольщаться простотой ретроградной ностальгии, а попытаться развить лучшие моменты того, о чём вспоминается с теплотой. Но когда былое возвращается в обрядовом формализме, это уже фарс и опошление исторической памяти. Следовательно, консерватизм и ретроградство — разные понятия. Истинный консерватизм проповедует неотрывность от первозданного идеала, ретрограды же предпочитают доставать скелеты из шкафов и перетряхивать трухлявых идолов прошлого. Корень зла здесь даже не в объективных обстоятельствах (идеи мало от них зависят), а в усилиях конкретных субъектов, реализующих идеи по своему произволу. Как правило, субъекты эти восполняют собственную творческую несостоятельность избытком возможностей её реализации (обыкновенно — концентрацией власти в своих руках). И если художники, поэты и мыслители — носители идей, то официальные идеологи-пропагандисты — их разносчики.

По сути, каждый творец — маргинал, фрустрированный тем, что материализовать идею невозможно уже по самому определению. Но в невозможности и состоит предпосылка её дальнейшего (и перманентного) совершенствования. Масса своей критикой и инертностью уравновешивает эгоцентризм творческого индивида, так рождается социальная гармония в освоении кем-то заповеданных нравственных идеалов. Народ определяет критерии исторической ответственности не только творческого индивида, но и каждого члена общества. Будь по-другому, мир бы изничтожили маргиналы.

Иерархия (система координат) встроена в людское сознание как вектор расширения творческих возможностей. Естественно, в обществе всегда найдётся возмущённое меньшинство, настроенное против иерархии вообще, особенно когда представители властной верхушки начинают относиться к нижестоящим с презрением, ибо мнят себя любимых в шаговой доступности от Бога. Время сглаживает конфликт: как правило, посмертно массы объявляют и мучеников за веру и борцов с режимом героями, орудиями Судьбы — посредниками между Божьим промыслом и людьми. Так институт святых, преподобных и благоверных формирует духовную иерархию, а та, в свою очередь, наслаивается на социальную — с отцами нации и борцами за свободу. От совпадения данных систем координат во многом зависит социальная стабильность: общество, в котором у власти есть сугубо "эксклюзивные" святые и, наоборот, почитаемые народом свои герои-простолюдины, едва ли будет гармоничным.

Историческая преемственность тотальна, как наследство: или принять целиком, или от всего отказаться. По М. Пришвину [13], если вы взяли не всего Христа, то остальной Христос

станет против взятого вами как Антихрист. Западный, альтернативный подход приводит не к развитию, а к отрицанию отрицания. Отсюда — и "антихристы" мировой истории (Нерон, Гитлер). Любая попытка добиться прогресса путем поиска альтернативы приводит к утрате цельности мировоззрения и, как следствие — к появлению "антихристов", смуте.

Социальное всегда более условно, формально и массово, чем индивидуальное, отсюда неизбежное размытие и опошление высоких мыслей и стремлений. В ответе ли Христос за моральный облик "католика" Чезаре Борджиа, а коммунист Ленин — за лживость и предательство Родины "членом компартии" Горбачёвым? Стало быть, избыточность творчества предоставляет человечеству хоть какой-то шанс на развитие, этим оно компенсирует опошление идеи вследствие её тиражирования. Потенциал социального развития есть творческий потенциал идеи, заложенной в его основу.

Заключение

Для нравственного мира, для Истории,
есть свои шесть дней творения:
какой ныне день у нас в мире?
М. Погодин

Пространственная перспектива может быть какой угодно (прямая-обратная, линейная-нелинейная), но временна́я — скорее всего, только обратной. Это подразумевает не ретроспективное ностальгирование, а историческую ответственность перед теми, кто жил прежде нас и с кем мы непременно встретимся по окончании земного пути (фёдоровское "долг сынов — возвращение жизни отцам" [14]). Не посрамим предков — значит, и в благодарной памяти потомков останемся.

Ошибаются думающие, будто обладающий информацией владеет миром, им правит владеющий временем. Время — вот вечно вожделенное богатство, бесконечно ограниченное вследствие неограниченности в перспективе (русское "у Бога дней много") и конечности в данный момент ("перед смертью не надышишься"). Без понятия о времени нет ни истории, ни прогресса.

Время есть путь из множественности в единство, своего рода дефрагментация бытия сознанием. Историческое время претворяется в пространство воспоминаний, которое люди вольны декорировать, кому как понравится. Замыкая свою жизнь рамками земной экзистенции, человек способен нарушить вечный нравственный закон, обустроив себе любимому уютную каморку с благами цивилизации. Процесс ценнее результата, потому корень зла всегда присутствует в твари, но отсутствует в творчестве. Зло появилось, как только творчество воплотилось в сотворённом.

Зло — небытие, застывшая форма, коей предназначено стать догмой, оно есть обналичивание реальности в действительность, в быт. И то, что можно объяснить историческим контекстом — устарело. Развитие же обеспечено не столько уверенностью в безграничности человеческих возможностей, сколько безграничной верой в неистощимость творчества. Как писал Н. Устрялов [15], прогресс не в беспрестанном линейном подъёме, а в нарастании бытийности, в растущем богатстве мотивами. Получается, время не столь уж непрерывно-циклично-размеренное, и при желании можно не топтаться у парадного подъезда, но войти в новую жизнь, отперев двери ключами знания и опыта. Цикличность — это не бесконечность, а безнадёжность. Тем не менее, "стрелки идут по кругу, время — идёт вперёд" (словами Н. Добронравова).

Каждый этап прогресса есть своего рода синтез, превосходящий установленные рамки закона или жанра. Фигурально говоря, пробующий без изрядного ускорения подняться по нисходящему эскалатору — неизбежно съедет вниз. Кто пытается идти к прогрессу "в ногу с веком", прогресса не узрит и не достигнет. А русский путь — в том, чтобы превзойти окружающий мир — и составляет суть творчества и суперации. Не приспособиться, но

воспарить над объективной реальностью, данной нам в ощущениях, с помощью субъективных же ощущений — это ли не вызов и ответ всемогущему Року? Русская судьба есть трагедия восхождения человеческого духа над нечеловеческими обстоятельствами.

Ссылки на источники

1. Гончаров И. А.. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 4. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. 670 с.
2. Симашенков П. Д. Исторический прогресс и инволюция идеалов : этико-философское исследование. Самара : ООО «Издательство АСГАРД», 2017. 176 с.
3. Трубецкой Е. Н. Три очерка о русской иконе: Умозрение в красках; Два мира в древнерусской иконописи; Россия в ее иконе. Париж: YMCA-Press, 1965. 298 с.
4. Полное собрание сочинений Алексея Степановича Хомякова. В 8 т. Т. 2 М.: Университетская типография. 1886. 350 с.
5. Симашенков П. Д. Ответственность за лайки и репосты: проблемы юридической квалификации // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2019. – № 3 (март). – С. 116–126
6. Островский Н. А. Сочинения в трех томах. Т. 2 М.: Правда. 1969. 307 с.
7. Симашенков П. Д. Власть-собственность как средство от власти собственников // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2018. – № 9 (сентябрь). – С. 236–244
8. Собрание сочинений И. С. Аксакова. М., 1886. 846 с.
9. Федотов Г. П. Собрание сочинений в 12 т. Т.7. М.: Мартис, 2000, 268 с.
10. Одоевский В. Ф. Сочинения. М.: Художественная литература, 1981. 728 с.
11. Страхов Н. Н. Литературная критика. М.: Современник, 1984. (Б-ка "Любителям российской словесности"). 326 с.
12. Мамардашвили М.К. Эстетика мышления. М.:2001. 416 с.
13. Пришвин М. М. Дневники. Книга 2 (1918-1919 гг.) М. 2012, 853 с.
14. Федоров Н. Ф. Собрание сочинений: В 4-х тт. / Составление, подготовка текста и комментарии А. Г. Гачевой и С. Г. Семеновой. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. Т. I. 518 с.
15. Устрялов Н. В. Национал-большевизм. М:2004. 236 с.